

Лорд Джон Старк

Когда, наконец, корабль Редвинов с знаменем дома Тиреллов пришвартовался в гавани, Джон едва мог дышать из-за нервов, которые, казалось, сжимали его грудь и горло. Он не мог припомнить, чтобы когда-нибудь в своей жизни был так напуган. И это было за гранью глупости, не так ли? Он не стоял лицом к лицу с каким-то великим врагом и не шел в бой. Он встречался с девушкой, которая через несколько дней станет его Леди-женой. Но разве это не такая же веская причина для страха, как и любая другая? Если он ей не понравится, то ничего не поделаешь. Они все равно будут связаны друг с другом до конца своих дней. Всякий раз, когда он позволял себе думать о женитьбе, все, о чем он мог думать, это игривая любовь между дядей Бендженом и тетей Дейси или тихая, нежная любовь между его отцом и леди Кейтилин. Но тогда он навсегда запомнил, как сильно ненавидела его Леди Кейтилин. Прошло уже много лет с тех пор, как он в последний раз был осведомлен об обстоятельствах своего рождения, как в течение этих последних нескольких недель. Каким бы именем ни наградил его король, он все равно родился Сэндом. Леди Маргери, вероятно, тоже не забыла об этом. Какая Леди из знатного дома захочет выйти замуж за бастарда, пусть даже узаконенного?

Лорас уловил его страхи и сделал все возможное, чтобы развеять их, рассказывая ему снова и снова о доброте, остроумии и милосердии Маргери, но все, что он действительно сделал, это разжег страх в его сердце ещё сильнее. Если бы Лорас сказал ему, что Маргери некрасива и простодушна, Джон, возможно, почувствовал бы некоторую уверенность в их союзе, но пока все, что он мог понять, это то, что он совершенно недостоин этого. И когда она появилась в поле зрения, это убеждение только еще больше укрепилось.

Она была прекрасна, с золотисто-каштановыми кудрями и глазами, которые каким-то образом были одновременно голубыми и золотыми. На ее лице появилась озорная улыбка. Она была такой же высокой, как он, если чуть не выше, и, глядя на нее, он знал, что никогда больше не будет думать о ней как о девушке. Она была взрослой женщиной, и даже глядя на нее, он чувствовал себя молодым, неуклюжим и таким недостойным, что все, чего он хотел, это забиться в ближайшую щель мощеного двора. Несмотря на то, что она была одного с ним возраста, самое большее на несколько лун старше, в этот момент он не мог не чувствовать себя глупым ребенком.

Ему стоило больших усилий сдержать дрожь в своей руке, когда он наклонился к ней и поцеловал костяшки пальцев. Его желудок скрутило от нервов, и ему показалось, что он сказал что-то еще, но он не знал, что именно, и знал, что никогда не сможет этого вспомнить. Как бы то ни было, она ответила ему любезной улыбкой, ее голос был одновременно сильным и сладким.

Он понял, что еще не готов к этому. Нисколько. Он все еще был мальчишкой. Как он мог жениться на женщине? Как он вообще мог подумать о том, чтобы разделить ложе с ней? Он едва сдержался, чтобы не покраснеть, вспомнив неловкий разговор, который дядя Бенджен вел с ним несколько лун назад, когда им впервые сообщили, что свадьба состоится очень скоро. Он совсем не был готов, и хотя улыбка на ее лице оставалась непоколебимой, он думал, что она тоже это знает. Должна знать. Он и представить себе не мог, что она посмотрит на него и увидит там что-то еще, кроме неуклюжего, испуганного ребенка.

Лорас прошел мимо него, чтобы поприветствовать сестру, в то время как Джону каким-то образом удалось сохранить вежливость достаточно долго, чтобы поприветствовать остальных Тиреллов и их свиту. Чувствуя почти тошноту, он предложил руку Леди Алерии и повел ее в Каменный Барабан, а дядя Эртур молча последовал за ним.

Лорас достаточно рассказал ему о Хайгардене, и Джон понял, что Драконий Камень по сравнению с ним должен казаться скучным, унылым и совершенно несравнимым. Как бы он ни гордился своим домом, он не мог избавиться от этих мыслей на следующий день, когда показывал своей невесте замок, в котором она будет Леди. Она произносила свои красивые, учтивые слова о многих местах, которые он показывал ей, маленькая рука почти невыносимо тяжело лежала на сгибе его руки, но они были достаточно мягкими и невзрачными, чтобы он понял, что она, должно быть, борется с собой за то, чтобы сказать что-нибудь хорошее. Глядя на каменные чудовища, голые утесы и тяжелое черной небо, он полагал, что это имело смысл, хотя все, что он мог видеть, было местом, которое он любил, единственным местом, которому он когда-либо по-настоящему принадлежал.

"Покажи ей сады", - сказал Лорас с того места, где он начал сопровождать их. "Ты будешь возмущена, сестра. Эти волки, они суетятся вокруг своей Богорощи, но они понятия не имеют, что делать с остальной его частью".

Джон едва сдержался, чтобы не фыркнуть. Лорас, если быть до конца честным, был совершенно прав. Ни у него, ни у Бенджена, ни у Дейси не было ни большого зеленого пальца, ни терпения для чего-то столь бесполезного, как попытка восстановить сад Эйгона, который, как слышал Джон, был полудиким еще до того, как Станнис стал Лордом. Кроме того, Джон вообще не имел ни малейшего представления о том, как выглядит декоративный сад. Стекланные сады в Винтерфелле были в основном утилитарными, так как в них выращивали фрукты и овощи даже тогда, когда холодная погода должна была помешать этому. Зимние розы были единственной по-настоящему декоративной вещью, которую он помнил оттуда, и даже их часто продавали за хорошие деньги, чтобы сделать из них масла и духи. "Дядя Бенджен говорит, что в первый же год своего пребывания здесь он пытался посадить клочок зимних роз", - сказал он. "Но к югу от Перешейка у них дела идут не так хорошо, и когда растения погибли, мы все просто бросили это дело, как безнадежное. Это было бы, как превратить сад Эйгона в капустную грядку". Он понял, что сказал, только когда эти слова уже слетели с его губ. Он вел себя так же, как с Лорасом уже довольно долго, честно и язвительно. Но они с Лорасом знали друг друга уже два года. Лорас знал его достаточно хорошо, чтобы понять, что Джон всегда будет говорить о Севере, и Джон знал Лораса достаточно хорошо, чтобы верить, что его не будут судить за это. На какое-то мгновение он даже забыл, что Маргери здесь, и теперь не мог сдержать румянца при мысли о том, каким идиотом он, должно быть, показался ей. Превращение сада Эйгона в капустную грядку. Что она должна думать о нем?

Почему-то, несмотря на все его страхи, она рассмеялась. Не так сильно, как Лорас, но коротко и незаметно, что заставило его вздохнуть с облегчением. "И все же лучше было бы оставить капустные грядки, чем разорять его", - сказала она. "Может, это и не очень красиво, но, по крайней мере, хоть на что-то годится".

"Ну, там есть клюква", - сказал Джон. "Они растут дикими и почти поглотили все остальное, кроме самых старых деревьев, но, по крайней мере, это хоть на что-то годится. Повар готовит восхитительные клюквенные варенья". Он замолчал, мысленно прокрутил эти слова и снова покраснел. Сейчас ему следовало бы просто держать рот на замке, поскольку все, что он говорил, казалось специально разработанным, чтобы заставить окружающих все хуже думать о его интеллекте.

"Я бы хотела посмотреть сад", - сказала она наконец, спасая их от неловкого молчания, которое Лорас должен был бы заполнить. "И с вашего позволения, может быть, со временем поработаю над его пересаживанием?"

Джон резко выдохнул и кивнул, разворачивая их лицом к Драконьему Хвосту. Сад действительно был в полном беспорядке, заросший и совершенно дикий, если не считать молодой Богорощи в дальнем углу. Но что-то вспыхнуло в глазах Леди Маргери при виде этого участка земли. Когда она с энтузиазмом заговорила с братом о растениях и цветах, названия которых он никогда раньше не слышал, ее рука стала чуть менее тяжелой. Впервые с тех пор, как она приехала, он почувствовал, что может дышать почти свободно.

Когда они двинулись дальше, чтобы посмотреть септу, порог которой Джон едва переступил за последние три года, ее слова были немного менее мягкими и осторожными, чем раньше. "Вы любите музыку, Милорд?" Спросила она.

Джон поморщился, вспомнив свои неудачные попытки играть на высокой арфе. "Мне нравится её слушать", - сказал он. "Боюсь, однако, что у меня нет таланта в этой сфере. А теперь я хочу предупредить вас, что завтра на пиру я буду наступать вам на пятки". Завтра, Боги, неужели это настало так скоро? Это осознание заставило его желудок сжаться, а ладони вспотеть.

Она мягко улыбнулась ему. "Но на тренировочном дворе вы очень грациозны, не так ли?" Спросила она. "Мой брат говорит, что если бы ты был оруженосцем у своего дяди, то, скорее всего, уже был бы посвящен в рыцари". Так почему же вы этого не сделали? Она не спросила, но явно думала.

"Боюсь, что это невозможно", - сказал он. "Мой дядя Эртур достаточно добр, чтобы обучать меня, не ожидая, что я стану его оруженосцем; он понимает, что я не хочу насмехаться над моими Богами или над ним, вступая в институт, который так тесно связан с Семерыми".

"Но ведь на Севере есть рыцари, не так ли?" Спросила Маргери.

"Да", - ответил Джон. "Есть также септы и последователи Семерых. Даже в Винтерфелле есть септон и септа".

"А если бы я хотела растить наших детей в свете семерых?" Медленно спросила она. "Если бы я хотела, чтобы наши сыновья стали рыцарями..."

"Мои братья и сестры выросли в обеих религиях", - сказал Джон. "Леди Кейтилин желала этого, и я отказал бы вам не больше, чем мой отец отказал своей жене. Я знаю, что мой брат Бран собирается стать рыцарем".

Она, казалось, слегка вздохнула с облегчением, и Джон подумал, не приняла ли она его за какого-нибудь дикаря, каким он знал своих знаменосцев, когда только прибыл сюда. Он надеялся, что его дружба с ее братом внушит ему больше доверия, но тогда что же он делал с тех пор, как она приехала, кроме того, что выставлял себя дураком? Учítывая это, он не мог по-настоящему винить ее за неверные представления. "Ваши братья и сестры воспитывались в обеих религиях", - сказала она. "И все же с вами это не так". Вопрос не был задан, но тем не менее он прозвучал, и Джон невольно поморщился.

"Леди Кейтилин не хотела принимать никакого участия в моем воспитании", - сказал он. "Я думаю, она предпочла бы, чтобы я никогда не ступал в ее Септу. Мое религиозное воспитание полностью перешло от отца, а он родом с Севера". Он сглотнул, ненавидя необходимость напоминать ей о своем собственном происхождении, но разве она не имела права узнать его, хотя бы немного, до завтрашних церемоний? "Кроме того, септа Мордейн пугала меня".

Она тихонько рассмеялась, и Джон почувствовал краткую вспышку гордости при этом звуке. Раз он смог заставить ее смеяться, он мог бы продолжать заставлять ее смеяться, возможно,

этот союз не был бы какой-то ужасной клеткой для них, чтобы прожить с ним всю оставшуюся жизнь.

<http://tl.rulate.ru/book/40965/904105>